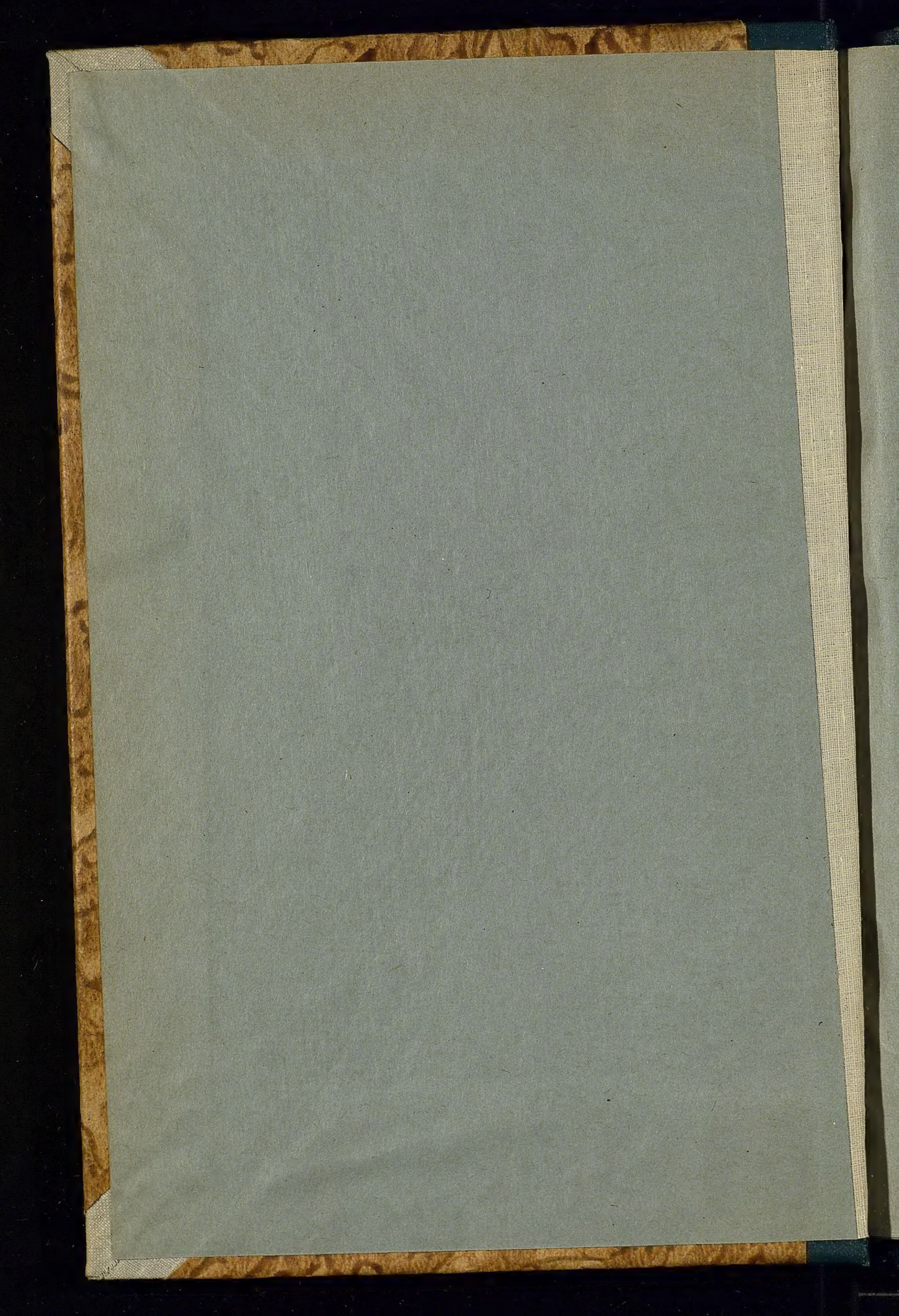

ЮЖНОРУССКІЕ ГОСПОДАРСКІЕ ЗАМКИ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVI ВѢКА.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

М. Грушевскаго.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печатн. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и Ко въ Москвѣ
1890.

Южнорусские господарские замки въ половинѣ XVI вѣка.

Историко-статистическій очеркъ.

Исторія Южной Руси есть вмѣстѣ, можно сказать, исторія борьбы осѣдлаго населенія со степнымъ, кочевымъ; борьба эта велась непрерывно въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и результаты ея выражались въ постоянномъ колебаніи границы осѣдлыхъ поселеній: ослабѣвала Русь, усиливались кочевники—и порубежная полоса пустѣла, осѣдлыя поселенія отодвигались на сѣверъ; наоборотъ, усиливалась Русь, ослабѣвали тюрки—и осѣдлое населеніе двигалось на югъ, отхватывая степныя пространства подъ пастбища и нивы. Уже на памяти исторіи южная русская граница претерпѣла нѣсколько такихъ, весьма рѣзкихъ, колебаній: граница, напримѣръ, Кіевской земли, о которой мы больше имѣемъ извѣстій, то отодвигалась къ теченію рѣки Стугны, то переходила за р. Рось, въ бассейны Буга и нижняго Днѣпра. Эта борьба культурнаго населенія съ полудикою степью, которая велась съ чрезвычайнымъ напряженіемъ народныхъ силъ и удивительною стойкостью со стороны Руси, тяжело отражалась на политическомъ и культурномъ развитіи ея, но составляетъ ея великую культурную заслугу и исторія этой борьбы имѣетъ глубокій интересъ.

Колонизаціонное движеніе Руси, которое было ближайшимъ обра-

Примѣчаніе. Настоящая тема была предложена проф. В. Б. Антоновичемъ въ осеннемъ полугодіи 1887 г., послѣ того какъ на практическихъ занятіяхъ были прочтены и объяснены имъ нѣкоторыя описи южнорусскихъ замковъ; тогда же была написана и предлагаемая работа—теперь она является въ нѣсколько переработанномъ видѣ. При составленіи ея я пользовался также указаніями и объясненіями В. Б. Антоновича, которому приношу искренюю благодарность.

зомъ связано съ этою борьбою, имѣло двоякій характеръ: то оно происходило по инціативѣ и средствами самого населенія, то по почину правительства; наши извѣстія за болѣе древнія эпохи преимущественно относятся къ этой послѣдней, оффиціальной колонизаціи, которая выражалась главнымъ образомъ въ созиданіи передовыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и заселеніи ихъ насельниками изъ внутреннихъ областей или иноплеменниками. Одинъ изъ моментовъ въ исторіи такой правительственной колонизаціи имѣетъ предметомъ и настоящій очеркъ—именно середину XVI в., отъ которой сохранились обстоятельныя оффиціальныя данныя. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу, я остановлюсь нѣсколько на состояніи колонизаціи Южной Руси въ ту эпоху. Эпоха утвержденія литовскаго верховенства въ южнорусскихъ земляхъ совпадаетъ съ весьма энергичнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ Руси въ степь; обстоятельства благопріятствовали этому: съ одной стороны, литовское верховенство, не внося, особенно на первыхъ порахъ, никакихъ особенныхъ измѣненій въ строй русской жизни, принесло ту выгоду, что объединило снова южнорусскія земли и возстановило въ нихъ центральную правительственную власть, которой нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. земля Кіевская, были, по видимому, лишены вовсе; съ другой стороны, татарская Орда въ это время ослабѣла, разлагалась, и отъ нея нельзя было ожидать серьезныхъ препятствій движенію Руси въ степь. Благодаря этому колонизація, съ сильнымъ и дѣятельнымъ участіемъ правительства, идетъ чрезвычайно энергично; въ концѣ XIV и началѣ XV в. является цѣлый рядъ городовъ на южно-русской окраинѣ, неизвѣстныхъ ранѣе, какъ Черкасы, Звенигородъ, Дашевъ, Чудновъ, Винница, Браславъ, Хмельникъ, Летичевъ и др.; въ составъ Русско-литовскаго государства входили земли до Чернаго моря и Витовтъ обнаруживаетъ намѣреніе стать твердою ногою на его берегахъ [1]).

Эта дѣятельная колонизація встрѣтила однако сильное препятствіе въ видѣ татарскихъ набѣговъ и опустошеній; набѣги, предпринятые на Южную Русь знаменитымъ Эдигеемъ (Идикою) послѣ пораженія Витовта на Ворсклѣ, были какъ бы зловѣщимъ предзнаме-

---

1) См. предисловіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова къ актамъ о колонизаціи, Архивъ Ю.-Зап. Россіи ч. VII. т. I. с. 55 сл., также Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ г. Молчановскаго с. 294 сл.

нованіемъ послѣдующаго. Политика Витовта, который вмѣшивался во внутреннія дѣла Золотой Орды и проводилъ на ханство своихъ кандидатовъ, а потомъ поддерживалъ дружескія сношенія съ Хаджи Гиреемъ, основателемъ независимаго Крымскаго ханства, парализовала въ нѣкоторой мѣрѣ татарскую грозу, но обстоятельства измѣнились совершенно, когда сынъ Хаджи Гирея Менгли Гирей, „Мынгырый царь", призналъ надъ собою верховенство султана и вошелъ въ дружественныя сношенія съ враждебнымъ Литвѣ государствомъ Московскимъ. Начинается рядъ опустошительныхъ вторженій въ Южную Русь: въ 1478 году татары разоряютъ Браславъ, въ 1482—Кіевъ, причемъ воевода Иванъ Ходкевичъ былъ угнанъ въ плѣнъ, гдѣ и умеръ, въ 1495 разоренъ Владиміръ-Волынскій, затѣмъ, вторично,—Браславъ, въ 1498—Черниговъ [1]); татары проникаютъ за Припять, заходятъ даже въ области коренной Литвы. Эти опустошительныя вторженія Менгли Гирея страшно отразились на состояніи Южной Руси, страшнѣе, можетъ быть, чѣмъ само нашествіе Батыево. Города, замки были разрушены, нѣкоторые города послѣ этого исчезли навсегда, населеніе разсѣялось [2]). Сѣверная полоса Южной Руси оправилась еще довольно скоро, хотя населеніе находилось въ постоянномъ страхѣ татарскихъ набѣговъ [3]), но южная степная полоса въ собственномъ смыслѣ запустѣла на долгое время.

Въ XVI-мъ вѣкѣ, несмотря на частые татарскіе набѣги, начинается новое медленное движеніе въ степь и завоеваніе ея для осѣдлой жизни. Первыми базисами ея служили возобновленные государствен-

---

[1]) См. Изслѣдованіе о крестьянахъ г. Новицкаго (Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. VI. т. I. стр. 40); значительные татарскіе набѣги затѣмъ указываются подъ годами: 1516, 1532, 1537, 1538, 1550, 1556, 1558, 1566, 1593.

[2]) Вотъ нѣсколько иллюстрирующихъ отрывковъ изъ документовъ: въ 1495 г. мѣщане Володимірскіе жаловались королю «штожъ скажоны суть отъ поганьства, и тыми разы голодъ въ нихъ великій». Владыка, князья, панове и земяне волынскіе повѣдали, «штожъ вси имѣнья ихъ велми скажоны и обраны отъ татаръ» (1503 г.). «Били намъ чоломъ вси земяне Браславскіи о томъ, штожъ имѣнья ихъ опустошены и на корень скажоны отъ непріятелей» (1507 г.) Акты Зап. Рос. I, № 124, 201, II № 26. Кременецкая округа «колко десять лѣтъ впустѣ лежала» по заявленію обывателей, см. Опись Кременецкаго замка въ Памятникахъ изд. Кіевск. ком. т. IV, отдѣлъ II. с. 216; эта опись и нѣкоторыя другія изданы пока въ латинской транскрипціи, слѣдуя примѣру ученыхъ, пользовавшихся ими, я цитую эти описи въ русской транскрипціи.

[3]) Волынское дворянство жалуется, напримѣръ, въ 1545 г.: будь есть або не есть перемиріе съ татары, тогды предся съ коня мало зсѣдаемъ. Памятн. Кіев. ком. IV. 2. 61.

ные—„господарскіе“ замки, небольшія укрѣпленія, около которыхъ постепенно осаживается полувоенное, полуземледѣльческое и промышленное населеніе. Оно группируется первоначально около самаго замка, готовое укрыться въ его стѣны при первой вѣсти о приближеніи врага; описи замковъ половины XVI-го в. даютъ нѣсколько указаній въ такомъ смыслѣ: въ Черкасскомъ повѣтѣ нѣтъ ни одного поселенія, кромѣ города, лежащаго при замкѣ; въ Каневскомъ хотя на нѣсколькихъ (6) урочищахъ считается крестьянское населеніе, но всѣ эти хлѣбопашцы и промышленники „зимуютъ и литуютъ при замку“ [1]), тоже было въ повѣтахъ Житомірскомъ и Остерскомъ [2]). Такимъ образомъ на первыхъ порахъ замки являлись чрезвычайно важнымъ средствомъ колонизаціи страны, составляя какъ бы узлы, которыми болѣе или менѣе прочно привязывалось населеніе къ территоріи повѣта и удерживалось отъ конечнаго разсѣянія. Но такую роль замокъ могъ играть, конечно, только относительно небольшой округи: при внезапныхъ и быстрыхъ набѣгахъ лишь ближніе жители могли поспѣть въ замокъ; при незначительныхъ размѣрахъ онъ могъ вмѣстить только небольшое количество населенія съ его пожитками [3]). Поэтому старые „господарскіе“ замки, по одному на цѣлый обширный повѣтъ, могли удовлетворять нуждамъ населенія только на самыхъ первыхъ порахъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ колонизаціи необходимы были новыя укрѣпленія, новые опорные пункты для населенія, которое вообще дорожило ими [4]). Ими обзаводятся значительные землевладѣльцы, возникающіе города. Къ концу XVI-го вѣка вся Южная Русь была заставлена подобными укрѣпленіями.

---

[1]) Описи Черкасскаго и Каневскаго замковъ въ ч. VII. т. I. Ар. Ю.-З. Россіи.

[2]) Въ 1544 г. земяне Житомірскіе освобождаются отъ повинностей, такъ какъ они «для поганства татаръ по селищамъ своимъ пахати не сміютъ». Въ 1522: вси земяне и люди ихъ вси, хотя ув селахъ мешкаютъ, а предся для пополоху татаръ лѣтѣ а зимѣ уставичне в домохъ в мѣстѣ живутъ. Архивъ Ю.-З. Р. VII. 1. 131, 151. Относительно Остерскаго повѣта смотри любопытное замѣчаніе на ст. 595: пахивали на замокъ у трехъ миляхъ на поли у Столпцы, а тыхъ часовъ пашня тамъ опущона за неспокоемъ отъ татаръ.

[3]) Какъ быстро нужно было поспѣвать въ замокъ, видно изъ слѣд. напр.: въ Браславѣ приходится взбираться въ замокъ вслѣдствіе крутизны окольною дорогою «яко бы великая чверть мыли... не могуть ся такъ далеко люды зъ статкы своимы поспишыты и сами въ руки непрыятеля увойдутъ. (Арх. VI. I. 20).

[4]) См. цитату изъ переписки Станисл. Жолкевскаго въ изслѣдованіи г. Новицкаго (Архивъ Ю.-З. Р. VI. I. 39): Хорошо сдѣлаешь ваша милость, если пришлешь въ Шаргородъ оружія, особенно гаковницъ штукъ сто, или и больше, такъ какъ простонародіе видитъ въ этомъ важнѣйшій залогъ своей безопасности, зато оно и станетъ селиться гораздо быстрѣе.

Правительство сознавало ихъ необходимость, очень цѣнило ихъ, особенно потому, что они затрудняли вторженія татаръ,—раздавая привилегіи на осаженье городовъ и разныя льготы, оно не рѣдко упоминаетъ, какъ мотивъ, что эти города осѣдаютъ „на шляхахъ, на переправахъ татарскихъ, на самомъ привороте отъ дикихъ поль Бѣлогородскихъ“, „куды тотъ непріятель звыклъ въ панства наши входити и шкоды великіе чинити, на которомъ гды бы ся твердза збудовала и место засадыло, мѣло бы то быть зъ добромъ всее речи посполитое и зъ покоемъ оныхъ краевъ“ [1]). Но на себя принимать постройку и содержаніе новыхъ замковъ правительство избѣгало, предоставляло это населенію. Сооруженіе этихъ укрѣпленій шло поэтому, можно сказать, не впереди колонизаціи, а одновременно съ нею или позади ея. Въ степной полосѣ они являются въ значительномъ числѣ лишь во 2-ой половинѣ XVI-го в., съ умноженіемъ населенія, которое привлекали сюда естественныя богатства и льготная жизнь, заставлявшія забывать страхъ опустошеній и осѣдать на самихъ „шляхахъ татарскихъ“. Въ первой же половинѣ XVI-го в. во многихъ южныхъ староствахъ повѣтовые господарскіе замки остаются единственными укрѣпленіями и оплотами населенія.

Отъ середины XVI в. до насъ дошли обстоятельныя описанія южно-русскихъ „господарскихъ“ замковъ, составленныя правительственными ревизорами въ 1545 и 1552 г.; доселѣ изданныя описанія заключаютъ въ себѣ слѣдующіе замки: Владимірскій (опись 1545 г.), Луцкій (описи 1545 и 1552 г.), Кременецкій (1545), Винницкій (1545 и 1552 г.), Браславскій (1545), Житомірскій (1545 и 1552), Овруцкій, Мозырскій [2]), Чернобыльскій, Кіевскій, Каневскій, Черкасскій и Остерскій—послѣдніе описаны всѣ въ 1552 г.; въ цѣломъ эти описи обнимаютъ такимъ образомъ почти всю населенную южнорусскую территорію, входившую тогда въ составъ Русско-литовскаго государства [3]). Описи эти составляютъ драгоцѣнный

---

[1]) Подобный мотивъ приводится, напримѣръ, въ грамотахъ на заселеніе Брусилова (1574), Корсуня (1585), Василькова (1586), Чигирина (1589), Быкова (1605), Крылова (1616), Лысянки (1622). Арх. Ю.-З. Р. ч. V т. I. № 22, 24, 35. Акты Зап. Р. Ш. № 148, 162. Акты Южн. и Зап. Россіи II. № 18. Антоновичъ. Монографіи т. I, стр. 157.

[2]) Мозырь также принадлежалъ нѣкогда къ Кіевской землѣ—см. для XII в. Ипатьев. лѣтопись с. 341; въ Литовскій періодъ Мозырскій повѣтъ, равно какъ и Остерскій, входилъ въ составъ Кіевскаго княжества и воеводства, см. Монографіи В. Б. Антоновича, т. I, с. 245.

[3]) «Пописъ замковъ» 1545 года изданъ весь Алекс. Яблоновскимъ—Żródła dziejowe, t. VI. Warsz. 1877, съ приложеніемъ очерка состоянія Волыни въ половинѣ XVI в. Изъ этого «По

источникъ для изученія администраціи, юридическаго и экономическаго быта страны и съ этой стороны онѣ не разъ были изслѣдуемы учеными. Я же въ настоящемъ очеркѣ постараюсь сгруппировать представляемыя ими данныя относительно устройства „господарскихъ“ замковъ на протяженіи Южной Руси, ихъ состоянія и средствъ обороны, присоединяя по временамъ также данныя нѣкоторыхъ другихъ современныхъ источниковъ. Подобнаго общаго обзора, насколько мнѣ извѣстно, пока не существуетъ [1]), между тѣмъ вопросъ этотъ не лишенъ интереса: половина описанныхъ замковъ имѣли важное колонизаціонное значеніе, остальные замки — волынскіе и сѣверные—хоть и не имѣли для населенія такого значенія, какъ южные, потому что эти повѣты рѣже подвергались татарскимъ вторженіямъ и на ряду съ государственными замками имѣли и частныя укрѣпленія, тѣмъ не менѣе устройство и состояніе этихъ государственныхъ крѣпостей также имѣютъ значеніе въ ряду другихъ сторонъ земскаго строя Южной Руси.

Нѣсколько словъ о самыхъ ревизіяхъ замковъ. Въ началѣ правленія Сигизмунда Августа было обращено особенное вниманіе на состояніе замковъ. Тотчасъ послѣ Брестскаго сейма 1544-го г. была наряжена комиссія для описанія замковъ Литвы и Украины. Въ началѣ 1545-го (или концѣ 1544-го) на Волынь посылается на ревизію

писа» въ Памятникахъ изд. Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ въ т. IV напечатаны описи замковъ Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго, въ Архивѣ Юго-Западн. Россіи ч. VI. т. I—Браславскаго, въ ч. VII. т. I—Житомірскаго—онѣ извлечены были изъ южно-русскихъ актовыхъ книгъ; не достаетъ только описи Винницкаго замка (1545 г.). Описи 1552 г. напечатаны всѣ въ ч. VII. т. I Архива, исключая описи Овручскаго замка, изданной въ ч. IV, т. I,—послѣдняя также относится къ 1552 г., хотя и помѣчена 1545-мъ: это доказываетъ ея форма, тождественная съ формою остальныхъ описей этого года; староста Халецкій, при которомъ происходила опись, держалъ замокъ и въ 1552 г. Нѣкоторыя описи пока еще не отысканы, такъ въ грамотѣ короля Станислава Августа г. Браславу 1792 г. приводится экстрактъ описи Браславскаго замка 1552 г. (Архивъ Ю.-Зап. Р. ч. V, т. I, с. 533).

[1]) Описанія отдѣльныхъ замковъ приводились и раньше въ монографіяхъ, посвященныхъ той или другой землѣ: такъ описаніе Кіевскаго замка приведено въ монографіи В. Б. Антоновича: Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI в., въ «Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ» г. Молчановскаго описывается устройство замковъ Браславскаго и Винницкаго, г. Яблоновскій въ своемъ вступительномъ очеркѣ приводитъ свѣдѣнія описей 1545-го г. о состояніи замковъ, описанныхъ въ эту ревизію, и под. Небольшой общій очеркъ устройства замковъ данъ въ статьѣ пр. Вершадскаго: Аврамъ Езофовичъ, Кіевск. Стар. 1888. X. с. 81.

господарскій дьякъ (секретарь) Левъ Патей (или Патіевичъ) Тышковичъ [1]). Въ грамотѣ волынскому дворянству король объясняетъ эту ревизію полученными имъ свѣдѣньями, что замки находятся въ упадкѣ, натуральныя повинности населеніемъ не исполняются; что земяне, выслуживъ земли и людей „яко оныхъ замковъ будувати, такъ и мостовъ робити и подводъ и стацей давати, такъ и иншихъ стародавнихъ повинностей земскихъ полнити не хочутъ" [2]). Патей былъ во Владимірѣ и Луцкѣ, но инструкцій королевскихъ выполнить не могъ: дворяне всячески уклонялись отъ сообщенія необходимыхъ свѣденій, отговаривались тѣмъ, что старосты и знатные паны были въ отсутствіи, на сеймѣ Виленскомъ. Вслѣдствіе этой неудачи Патей, какъ видно, по остальнымъ замкамъ не поѣхалъ. Въ своемъ донесеніи онъ напомнилъ еще объ одномъ злоупотребленіи: незаконномъ учрежденьи въ частныхъ владѣньяхъ таможень и мытъ; на это обращалъ вниманіе уже Сигизмундъ Старый [3]).

Спустя нѣкоторое время король отправляетъ новаго ревизора—Юрія Фальчевскаго, бискупа Луцкаго; ему было поручено осмотрѣть замки, привесть въ извѣстность земскія повинности, провѣрить права владѣльцевъ на имѣнія и проч.; необходимыя мѣры къ прекращенію злоупотребленій предоставлялось ему принять на мѣстѣ. Вмѣстѣ съ бискупомъ былъ посланъ опять и Левъ Патей. Но и посылка бискупа не принесла особыхъ результатовъ. Дворяне всячески уклоняются отъ ревизіи, съѣзжаются медленно, нѣкоторые знатнѣйшіе не являются вовсе, хотя были оповѣщены; особенно, какъ видно, непріятна была ревизія документовъ на владѣнье: факты захвата частныхъ и государственныхъ имуществъ, приводимые описями, вполнѣ объясняютъ эту уклончивость[4]). Во Владимірѣ дворяне обѣщаютъ представить документы на общемъ съѣздѣ въ Луцкѣ, куда соберется „старшая братія", гдѣ хранится земская привилегія Волынской земли, а въ Луцкѣ на об-

---

[1]) Ему было поручено осмотрѣть замки: Луцкій, Владимірскій, Кременецкій, Браславскій, Винницкій и Житомірскій, см. Памятники IV. 2. с. 6 сл. Żródła p. 1 sq.

[2]) Памятники т. IV. 2. 7. Żródła p. 3.

[3]) Памятники, IV. 2. 8. Объ этомъ первомъ «попису» Патея упоминаніе см. на стр. 70.

[4]) Вотъ рѣзкій примѣръ подобныхъ захватовъ: староста Владимірскій, получилъ Турейскій замокъ, «нарядилъ петнадцетъ селъ къ нему, земянъ скривдивши. А инныи села, которыи мѣли спадкомъ прыйти на господара, тыи собѣ привлащилъ», скупилъ 12 имѣній, притѣснивъ владѣльцевъ, присвоилъ три выморочныхъ имѣнія, отданныхъ ему въ управленіе и проч. Ibid. 182—83.

щемъ совѣтѣ составляютъ грубый отвѣтъ ревизорамъ и заявляютъ буже: „естли будетъ земля Кіевская, земля Полоцкая, земля Витебская, земля Жомоитская, а къ тому тежъ вси повѣты Подляскіи будутъ привилія свои класти передъ Его Млтію, тогди и мы наименшыи слуги Его Млти привилія свои положимъ“, а что касается имѣній „мы сами и предки наши у Господара Его Млти не украли, бо маемъ старосты надъ собою, яко въ Луцку, такъ въ Володымери, естли бы смѣлъ того ся кусити, а господарского имѣніе украсти мѣлъ, тогды бы старостове зъ горла въ насъ то выдрали“ [1]. Отпоръ, который далъ этому заявленію Фальчевскій, и переговоры его съ знатнѣйшими князьями и панами заставили дворянъ замѣнить рѣзкій отвѣтъ болѣе вѣжливымъ, но никакихъ дѣйствительныхъ результатовъ не дали. Дворяне грамотъ не представили, за то жаловались на притѣсненія урядниковъ, на безпокойство отъ татаръ, на побѣги крестьянъ, которые „за границу лядскую втекаютъ и по волямъ князскимъ и панскимъ, которые здесѣ на Волыни есть, разходятъ“, а относительно мытъ заявили наконецъ, что обогащеніе дворянства полезно и для государства и для края: „еще есть зъ большею славою и обороною тое земли и съ пожиточнымъ скарбу господарского, ижъ ся тое панство и мы подданныи Его Млти ширимъ и множимъ“ [2]. Ревизоръ замѣчаетъ, что дворянство дѣйствовало при этомъ единодушно, общимъ совѣтомъ, проникнутое сознаніемъ своихъ сословныхъ интересовъ [3]. Показанія о доходахъ урядники давали также неохотно, утаивали многое; приходилось обращаться къ обывателямъ. Словомъ результаты ревизіи были неудовлетворительны. Эта ли неудача, или болѣзнь епископа, на которую онъ жаловался во время ревизіи, была причиною,—только дальнѣйшая ревизія была ведена однимъ Патеемъ. Онъ послѣдовательно посѣтилъ Кременецъ, Винницу, Браславъ и Житоміръ. Въ Кременцѣ онъ опять напрасно ждетъ съѣзда всего мѣстнаго дворянства; даже городничій, „который былъ повиннѣйшій быти“... „ни самъ не былъ, а ни рейстровъ справы свое дати не хотѣлъ“ [4]. Въ Брацлавѣ отъ представленія документовъ, „твердостей“, отгова-

---

[1]) Памятн. IV. 2. 48—49. Żródła p. 23—24.

[2]) Памятн. с. 134.

[3]) То есть всѣхъ ихъ одностолная порода и змова, яко старшихъ, такъ и менчихъ. Памятники IV. 2. с. 64.

[4]) Памятн. IV. 2. 195, 197—198.

ривались тѣмъ, что документовъ при себѣ не держатъ вслѣдствіе татарскихъ разореній, а сохраняютъ въ Каменцѣ, Острогѣ.

Вся ревизія заняла около 3 мѣсяцевъ. Свой капитальный „пописъ“ замковъ Патей заканчиваетъ желаньемъ, чтобы король и Рада милостиво приняли его трудъ и извинили его, если онъ что „одкрыте а нестыдливе писалъ и ясне объявилъ“. „Вчиниломъ то не про жадный пожитокъ и хвалу мою, але напредъ зъ науки Писма Святого, а потомъ зъ розсказания господарского“ [1]).

Спустя шесть лѣтъ, въ началѣ 1552-го г. происходитъ новая ревизія и описаніе замковъ; отъ нея мы имѣемъ описи замковъ: Луцкаго, Винницкаго, Житомірскаго, Овручскаго, Мозырскаго, Чернобыльскаго, Кіевскаго, Каневскаго, Черкасскаго и Остерскаго; причины и обстоятельства ревизіи ближе намъ не извѣстны. Эти послѣднія описи и по содержанію, и по формѣ рѣзко отличаются отъ предыдущихъ. Описи 1545-го г. составляютъ цѣльное связное изложеніе ревизіи; данныя о положеніи замковъ переплетаются съ частными эпизодами, приводятся переговоры, жалобы, документы—все это даетъ много цѣнныхъ бытовыхъ чертъ. Описи 1552-го г. представляютъ сухіе отвѣты на вопросы одной и той же программы; уступая описямъ 1545-го г. въ обиліи бытовыхъ чертъ, онѣ превосходятъ ихъ точностью и обиліемъ свѣденій относительно администраціи, финансовъ и проч. Перейдемъ къ вопросу.

Начнемъ съ внѣшняго вида и устройства замка. При сооруженіи его важную роль, конечно, играла мѣстность—желательно было, чтобы замокъ стоялъ на горѣ по возможности высокой, недоступной, господствующей надъ остальною мѣстностью, по близости воды. Вотъ какъ описываетъ дьякъ Патей „мѣстцо на замокъ вельми годное и подобное“: „лука одна межи Богу якобы шыею протягнулася и одъ сее и одъ тое стороны рѣка ее облила, толко пятдесятъ сожонъ вшырки рѣка одъ рѣки найшла. И въ той луцѣ вчинивши конецъ и занемши ставъ на Богу, и на той шыи рова два або три може быть справивши, замокъ вельми твердый будетъ, которого ни

---

[1]) Архивъ, ч. VII. I. 139. Żródła dz. p. 133—134.

подкопать, а ни зъ дѣлъ (пушекъ) на него стрѣляти ото всихъ сторонъ не можетъ, и на прызденіе мѣста мѣстцо есть вельми погожее, ровное, не такъ яко теперешное, ижъ замокъ мѣста не всего видитъ, а мѣсто замку" [1]). Подобныя требованія конечно не всегда осуществлялись: замковая гора иногда оказывается невысокою, отлогою; подлѣ замковой горы оказывается иногда другая гора такой же вышины, а то и выше; Кіевская замковая гора съ трехъ сторонъ окружена такими горами [2]); ревизоры рекомендовали повышать замковую гору въ такихъ случаяхъ. А то по близости бываютъ иногда разные старые валы, городища, строенія, ямы, „гдѣ можетъ колько чоловѣковъ скрывшися на замокъ съ тихъ ямъ штурмовати". Отъ особовъ совѣтовали укрѣплять горы „тамованнемъ", т. е. досчатыми или плетеными заборами; плетнемъ укрѣпляли иногда и рѣчной берегъ [3]). Неблагопріятныя условія заставляли подчасъ переносить замки, что не требовало большого труда и издержекъ при тогдашнемъ способѣ постройки; такъ переносится замокъ Винницкій, а Остерскій даже нѣсколько разъ: разъ потому, что рѣка отошла отъ замка, другой—потому что стала размывать сильно гору; пробовали перенести замокъ Черкасскій, но городское населеніе отказалось переселяться, находя небезопаснымъ удаляться отъ Днѣпра [4]). Отъ города, который обыкновенно строился въ нѣкоторомъ разстояніи, замки отдѣлялись иногда глубокими рвами, черезъ которые вели подъемные мосты.

---

1) Źródła dz. t. VI. 111.

2) Архивъ VII. I. 92, 107, 600 (Винница). Одну изъ Кіевскихъ горъ—Уздыхальницу искусственно понизили впослѣдствіи на «полшеста сажня добрыхъ», см. Кіевскую лѣтопись въ «Сборникѣ лѣтописей Южн. и Зап. Р.» с. 84—85.

3) Архивъ VII. I. 156 (Луцкъ).

4) Акты Ю. З. Р. II. № 132. Архивъ VII. I. 91, 341—2. Кстати, относительно Остра въ ученую литературу проникло неточное извѣстіе или, точнѣе сказать, неточная дата. Н. П. Дашкевичъ въ своихъ «Замѣткахъ по исторіи Литовско-Русскаго государства» (с. 57) опубликовалъ выписку, находящуюся въ т. н. Межигорской рукописи («Лѣтописи Волыни и Оукраины») библіотеки Института Оссолинскихъ и занесенную туда рукою извѣстнаго Бѣлёвскаго изъ «лѣтописца, находящагося при польскомъ переводѣ Нестора»; она заключается въ слѣдующемъ: Anno 1333. Albracht Gastoldus Palatinus Vilnensis fundavit arcem et monasterium inter Kijoviam et Czernichoviam super fluvium Ostr extra Boristhenem et Desnam fluvios in bonis suis hereditariis, et tradidit villas: Wypołczow, Philipowszczyzna, Jestaminka, Krochajew, Bodenkowicze, Zuwin, Czerwin, Zowłyńszczyzna, Prorokowszczyzna, et circa monasterium ac arcem oppidum Ostr, ac stagna: in Czerwin stagnum ex Boristhene toni dwie, in Chodenkowicze stagnum ex Desna, toni dwie, in Krochajew stagnum ex Desna tonia jedna, in Jalmunka stagnum ex Desna toni dwie, et stagnum civitatense ex Desna tonia jedna. Cum vero illud cum arce monasterium

Строятся замки обыкновенно изъ дерева. Два только изъ разсматриваемыхъ замковъ имѣли каменныя стѣны—Луцкъ и Кременецъ. Луцкъ, „словутній и столечній замокъ“, бывшій одно время столицею Волыни, обязанъ былъ каменнымъ замкомъ этому своему положенію; его началъ строить Любартъ Гедиминовичъ, а окончилъ Свитригайло[1]). Постройку каменнаго Кременецкаго замка надо, быть можетъ, объяснить тѣмъ, что окрестности Кременца изобиловали камнемъ, а лѣсъ приходилось возить миль за 6—8 [2]). Размѣры нѣкоторыхъ замковъ (Кіевскаго, Владимірскаго, Кременецкаго) описями не указаны, изъ извѣстныхъ самими большими были: Житомірскій—62×55 саженъ, Луцкій — собственно замокъ 54,5×48, а „пригородокъ“ или окольный замокъ—75×128, Мозырскій замокъ—63×28, окольный замокъ 169 саженъ въ окружности; самый маленькій—Чернобыльскій (22×17) [3]).

Стѣны рубились изъ брусьевъ—сосновыхъ, рѣже дубовыхъ, отдѣльными срубами, которые назывались городнями, длина послѣднихъ бывала

---

subverterent Tartari, non est amplius reddificatum: unde Sigismundus Augustus arcem solam reddificavit et primum Capitaneum Ostrensem Constantinum Ratomski instituit. Самъ Бѣлёвскій отнесся, повидимому, съ довѣріемъ къ приведенной датѣ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ изслѣдованіи о южнорусской колонизаціи (Архивъ Ю. Зап. Р. VII. I. с. 42—43), находя невозможнымъ отнести передаваемый фактъ къ эпохѣ Гедимина, высказалъ предположеніе, что онъ относится ко времени Витовта. Но оказывается, что фактъ этотъ относится къ XVI в. и самая замѣтка составляетъ, кажется, извлеченіе, не совсѣмъ точное, изъ современныхъ люстрацій. Прошу сравнить опись 1552 г. (Архивъ Ю. З. Р. VII. I.): «Остръ, за держаня пана Константина Ратомскаго. Замокъ Остерский за Днепромъ а за Десною, межи Киева и Чернигова... на старомъ городище около церкви стародавное мурованое опустелое, отъ доброе памяти пана Ольбрахта Кгаштольта, воеводы Виленскаго, на дедизне его отъ 14 лѣтъ з дерева сосноваго поставенъ....» и т. д. (с. 592). Далѣе: «Озера уступные. У Чернине озера з Днепра с тони две; у Крехаеве озеро з Десны тоня 1; у Ялмунце озеро з Десны, тони 2.... Местское озеро з Десны, тоня одна» (с. 596). Села замковыя перечислены слѣдующія: Выползовъ, Пилиповщизна, Ельминка, Крохаевъ, Боденковичи, Жукинъ, Чернино (с. 597). З Жоблунщины бывало 30 грошей полтретя воза сена, теперъ пусто.. Земля Пророковщизна въ пусте лежитъ (с. 598). Итакъ выходитъ, что переданный въ замѣткѣ фактъ имѣлъ мѣсто около 1538 г. и упомянутый Альбрехтъ Гаштольдъ былъ современникъ Сигизмунда Стараго. Сравни также люстрацію 1628 г., ibidem с. 341—342.

1) Памятники IV. 2. 66.

2) Ibid. 203. Каменный замокъ былъ построенъ и во Владимірѣ Казиміромъ III, но разрушенъ потомъ литовцами, см. у Длугоша. IX, p. 1150, X, p. 2—3, изд. 1711 г. Что до Кіева, то здѣсь не было по всей вѣроятности каменнаго города въ древнюю эпоху и навѣрное не было въ среднюю; въ спискѣ городовъ Воскресенской лѣтописи: «городъ Кіевъ, древянъ» (Пол. Собр. Лѣтоп. VII. с. 240).

3) Вотъ размѣры остальныхъ: Овручъ 66×43, Остеръ 37×31, Винница 24×23, 5, Каневъ 45, 5×18, Черкасы 30×17.

неодинакова, въ одномъ и томъ же замкѣ бывали городни и въ $3^1/_2$ и въ $1^1/_2$ саж., кажется нормальною длиною было три сажени [1]). Стѣны бывали двойныя, промежутки между ними наполнялись землею или пескомъ; иногда, какъ въ Винницѣ, роль внутренней стѣны исполнялъ и плетень, хорошо обмазанный; снаружи стѣна обмазывалась иногда глиною пяди на двѣ и больше. Устроенная такимъ образомъ стѣна представляла значительный оплотъ, котораго не могло пробить пушечное ядро, какъ показалъ опытъ въ Винницкомъ замкѣ [2]); но за то если вода проникала въ эту земляную среду, стѣны должны были гнить очень скоро. Вообще замковыя сооруженія много страдаютъ отъ дѣйствія стихій: они скоро гніютъ, часто горятъ, „частокротъ витеръ великій... верхи вздираетъ" и проч. Какъ высоки были деревянныя стѣны, указаній нѣтъ, кромѣ того, что люстраторъ жалуется въ одномъ случаѣ: „а все будованье то замково унижоно; можетъ на некоторыхъ мѣстцахъ человекъ, на земли стоячи, бланъкованья, а подъсябитья киемъ досягнути" [3]); можно гадать, что обыкновенная вышина не превышала 3-хъ саженъ. Въ Луцкѣ каменныя стѣны имѣли 4 сажени въ вышину.

Вверху стѣны имѣли крытые рубленые парапеты—бланковання или обланки, въ которыхъ были сдѣланы отверстья для стрѣльбы—подсябитья (подъ ся бить), иногда пониже продѣлывался другой рядъ отверстій спеціально для гаковницъ и ружей. Со внутренней стороны у стѣнъ находились постройки въ видѣ сараевъ, иногда рубленыя, раздѣленныя внутренними стѣнами, снабженныя запорами и служившія кладовыми для земянъ и другихъ обывателей староства на случай опасности; онѣ назывались также городнями. Крыша этихъ городень повидимому составляла вмѣстѣ помостъ „бланкованъ", который шелъ вокругъ всей стѣны и былъ необходимъ для обхода сторожей и на случай обороны; взбирались на этотъ помостъ по приставленнымъ бревнамъ съ врубленными ступеньками. Здѣсь же, на помостѣ, складывались и различные припасы для обороны: колодки, камни, трезубы, которые сбрасывались на непріятеля; стояли корыта съ водою на случай пожара. Кромѣ городень къ стѣнамъ часто пристраивались также дома, клѣти; окна домовъ

---

[1]) Архивъ, VI. I. 21.
[2]) Архивъ VII. I. 599.
[3]) Ibid. 77.

иногда пробивались наружу замка: въ Черкасскомъ замкѣ они пробиты были такъ низко, что можно было „досягнуть головою“[1]).

Стѣны прерывались башнями—„башты, вежы“—разной величины и вида (четыреугольныя, шестиугольныя, круглыя); въ деревянныхъ замкахъ онѣ также рублены изъ брусьевъ, иногда имѣютъ двойныя, набитыя землею стѣны, которыя снабжены „подсябитьями“; для прохода сторожей продѣланы были двери на тотъ помостъ, который опоясывалъ замокъ. Кромѣ помѣщеній для пушекъ, внутри башенъ бывали и жилыя комнаты, кладовыя, амбары, склады боевыхъ припасовъ. Въ описаніи Житомірскаго замка упоминается башня съ „звономъ великимъ ратнымъ“, а въ Кіевѣ на одной башнѣ находился „зекгаръ (часы) з колы и со всими приправами; выбиваетъ 24“ [2]). Крыша башенъ иногда бывала плоская, снабжалась бланкованьемъ, и на ней ставились пушки. Число башенъ весьма различно и колеблется между одною (Овручъ) и пятнадцатью (Кіевъ); чаще ихъ было отъ четырехъ до восьми. Одна башня—„вежа воротная“—стояла обыкновенно надъ воротами; часть моста, который велъ сюда, поднималась на цѣпяхъ,—узводъ. Подъ этимъ узводомъ бывали также амбразуры для стрѣльбы.

Внутри замка находилась обыкновенно церковь, были дома урядниковъ и отдѣльныхъ земянъ; дома эти были не велики и не казисты—срублены изъ бревенъ, состояли изъ сѣней и одной—двухъ небольшихъ комнатъ и часто были въ жалкомъ состояніи; такія зданія, какъ каменный палацъ бискупа Луцкаго, составляли исключенія. Затѣмъ здѣсь находимъ разныя службы: кухни, пивницы, бани, стайни, помѣщенья для пушекъ и боевыхъ припасовъ—т. н. шпихлеры, амбары и клѣти для съѣстныхъ припасовъ—спижарни, житники, свирни. Для добыванія воды тамъ, гдѣ не было безопаснаго и удобнаго доступа къ рѣкѣ, устраивались тайники, въ другихъ замкахъ были сдѣланы колодцы; рыть колодцы приходилось иногда глубоко, саженъ 30, и устройство ихъ стоило довольно дорого; Кіевскій и Мозырскій колодцы имѣютъ 30 саженъ глубины; въ Кременцѣ было выбито 40 саженъ и все таки не нашли воды; за неимѣніемъ колодца дождевая вода здѣсь отводилась трубами и собиралась въ резервуаръ [3]).

---

1) Архивъ VII. I. с. 77.

2) Архивъ VII. 1. 107, 125.

3) Въ Житомірѣ староста Янъ, бискупъ Виленскій, усердный строитель, думалъ провести воду трубами изъ сосѣдней рѣки, но этотъ планъ не состоялся.

Вообще при небольшихъ размѣрахъ замки являются тѣсно застроенными всякими домками и клѣтьми; по недостатку мѣста послѣдніе строились и внѣ замка. Этою тѣснотою замковъ объясняется и устройство окольныхъ замковъ: къ стѣнамъ замка, если позволяла мѣстность, пристраивалась другая стѣна, тоже съ городнями и башнями, какъ и замковая. Такіе окольные замки были въ Луцкѣ (частью каменный, частью деревянный) и Мозырѣ.

Что касается замковыхъ городовъ, они также обнесены деревяннымъ острогомъ съ пристроенными городнями, клѣтьми, домами. Башенъ въ описяхъ не упоминается, но позднѣе онѣ строились и въ городахъ [1])—съ умноженіемъ городскаго населенія необходимо было подумать о самостоятельной оборонѣ, не разсчитывая на замковыя укрѣпленія. При осмотрѣ Луцка Фальчевскій уже освѣдомлялся „если къ часу потребы которую оборону кромѣ замку можетъ мѣсто въ себѣ мѣти“ [2]).

Таково было устройство замковъ. Весь этотъ типъ укрѣпленій не представляетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ болѣе древнею эпохою, это тотъ же древнерусскій городъ съ дѣтинцемъ или городомъ въ тѣсномъ смыслѣ, который соотвѣтствуетъ позднѣйшему замку, и острогомъ или окольнымъ городомъ вокругъ него; стѣны города и тогда рубились обыкновенно изъ дерева и состояли изъ „городницъ“, поверхъ которыхъ находились дощатыя „заборола“, соотвѣтствующія „обланкамъ“ нашихъ описаній; упоминается подъемный мостъ, вежи; Даніиломъ Галицкимъ выстроена была въ Холмѣ посерединѣ города „вежа высока, якоже бити с нея окрестъ града, подсздана каменьемъ въ высоту 15 лакоть, создана же сама древомъ тесанымъ, и стюденецъ, рекомый кладязь близъ ея бѣ, сажений имущи 35“ [3]).

---

1) Такъ въ люстраціи Житомірскаго староства 1622 г. говорится: мѣсто острогомъ и валомъ окружено, въ немъ воротъ съ запорами 3, башенъ 5. (Архивъ VII. I стр. 326). Бопланъ пишетъ: Новый Кіевъ обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями и окопанъ ничтожнымъ рвомъ въ 28 ф. шириною. Матеріалы для топогр. Кіева, отдѣлъ II, с. 45.

2) Памятн. IV. 190.

3) Ипатьевск. лѣт. с. 559. Относящіяся сюда мѣста лѣтописи собраны въ Изслѣдованіяхъ и пр. Погодина т. VII. с. 194 слѣд. Вежи упоминаются подъ 1097 г. (Ипат. л. с. 178), но нѣкоторые разумѣютъ здѣсь подвижныя деревянныя башни осаждающихъ, т. н. гуляй-городы; въ Воскрес. сп. вмѣсто «подъ вежами» стоитъ «подъ турами» П. С. Л. VII. с. 17.

Замокъ находился въ завѣдываніи мѣстнаго воеводы (въ Кіевѣ) или старосты. И тотъ, и другой имѣли одинаковый кругъ полномочій, соединяли въ своихъ рукахъ власть военную съ широкими административными и судебными компетенціями и одновременно были членами государственнаго совѣта—„Рады Литовской" [1]. Послѣ того какъ у в. кн. Александра было вынуждено обязательство не смѣщать чиновниковъ безъ суда, старосты обыкновенно сохраняютъ свои уряды пожизненно. Содержаніе старосты складывалось обыкновенно изъ доходовъ съ имѣній, приписанныхъ къ замку, изъ разнообразныхъ податей и пошлинъ съ торговцевъ и промышленниковъ и судебныхъ пень; не всегда возможно опредѣлить размѣръ содержанія, но несомнѣнно, что оно достигало иногда значительныхъ размѣровъ (такъ напр. Владимірскій староста получалъ по исчисленію Фальчевскаго до 400 копъ (3000 рубл.), не считая такихъ неопредѣленныхъ доходовъ, какъ пени и пр.[2]). Кіевскіе воеводы получали въ дополненіе еще изъ государственной казны нѣсколько сотъ копъ ежегодно „для успоможенья" [3]. Изъ этихъ доходовъ старосты содержатъ замковыхъ слугъ, иногда сторожей, пушкарей и небольшіе отряды служебниковъ; дѣлать другіе расходы на замокъ они не были обязаны.

На случай своего отсутствія старосты назначали отъ себя „намѣстниковъ" или „подстаростихъ". Не будучи государственными чиновниками, послѣдніе вѣроятно поэтому самому не пользовались всѣми правами старостъ въ ихъ отсутствіе и населеніе иногда не повиновалось имъ.

Городничій ближайшимъ образомъ завѣдывалъ замковыми укрѣпленіями, слѣдилъ за исполненіемъ работъ и производилъ ихъ самъ на средства, доставляемыя населеніемъ или правительствомъ; онъ же наблюдалъ за порядкомъ и исправностью замка вообще и его можно приравнять къ современному коменданту или польскому бургграбію; должность эта замѣщалась правительствомъ и считалось довольно важною [4].

---

1) Старосты Мозырскій, Чернобыльскій, отчасти Житомірскій были нѣсколько ограничены въ своей военной власти: мѣстное ополченіе созывалось по приглашенію Кіевскаго воеводы. Архивъ VII. I. 144, 588, 617.

2) Памятники 170—173.

3) Акты З. Р. II. № 44. Акты Ю. и З. Россіи I. № 111.

4) Подробнѣе о городничихъ см. у г. Бершадскаго: Аврамъ Езофовичъ, Кіевская Стар. 1888. X. с. 79—85.

Кромѣ этихъ общихъ чиновниковъ въ Луцкѣ были еще: „ключникъ“, завѣдовавшій имѣньями Луцкаго ключа, и мостовничій: здѣсь было нѣсколько мостовъ и одинъ длинный, въ 300 саженъ. Въ другихъ замкахъ эти должности упоминаются спорадически, такъ встрѣчаются—ключникъ Кіевскій, мостовничій Кременецкій [1]).

Отъ времени до времени въ замкахъ являются съ спеціальными порученьями такъ наз. дворяне господарскіе.

Наканунѣ люблинской уніи и въ связи съ нею учреждены были должности каштеляновъ: Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго (ранѣе существовала эта должность въ Вильнѣ и Трокахъ); впрочемъ этотъ заимствованный изъ Польши урядъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ обязанностей и былъ лишь почетнымъ титуломъ, дававшимъ право на мѣсто въ сенатѣ.

Должности разсматриваются въ это время и самимъ правительствомъ, раздававшимъ ихъ за значительныя „челомбитья“, и урядниками, въ значительной степени, какъ бенефиціи, доходныя статьи. Отсюда частыя вымогательства и злоупотребленія при слабомъ контролѣ центральной власти и неопредѣленности юридическихъ и финансовыхъ отношеній населенія, основывавшихся на обычаѣ, на томъ, что такъ „здавна бывало“; отсюда часто равнодушное и своекорыстное отношеніе къ обязанностямъ, связаннымъ съ должностью: выдающіяся, знатнѣйшія лица не свободны отъ такого отношенія.

Изъ того же взгляда на должности, какъ на бенефиціи, вытекало широко практиковавшееся совмѣщеніе должностей: по нѣскольку староствъ, иногда взаимно удаленныхъ, по три—четыре должности соединялось часто въ однихъ рукахъ [2]). Нѣкоторыя изъ южно-русскихъ староствъ соединяются обыкновенно въ однихъ рукахъ, напр. Винницкое и Браславское, Черкасское и Каневское. Такіе совмѣстители назначали отъ себя разныхъ намѣстниковъ и урядниковъ, которые, завися всецѣло отъ нихъ, имѣли болѣе поводовъ заботиться

---

[1]) См. Бонецкаго. Poczet rodow w W. X. Litewskiem. стр. XI и XVII.

[2]) Такъ напр. кн. Конст. Ив. Острожскій былъ одновременно старостой Луцкимъ, Браславскимъ, Винницкимъ (и каштеляномъ Виленскимъ), кн. Θедоръ Сангушковичъ—старостой Владимірскимъ, Брацлавскимъ, Винницкимъ и маршалкомъ земли Волынской. Мозырское староство въ 1552 держитъ Нарбутъ, воевода Подлясскій. Янъ, бискупъ Виленскій, держитъ Кременецъ, Житоміръ. Ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ часто въ Луцкѣ бывало одно лицо; нѣкій Дахно въ 1537 г., совмѣщая эти должности, былъ еще и старостою Кременецкимъ, а позднѣе нѣкто Киверницкій—старостою, городничимъ и ключникомъ Луцкимъ.

объ интересахъ своихъ патроновъ и собственныхъ, чѣмъ даннаго уряда. Въ Луцкѣ въ 1545 г. жаловались, что ни староста, ни городничій не живутъ въ замкѣ и урядниковъ постоянныхъ не держатъ: „не толко дей догоду абы одинъ врадникъ у старосты стрывалъ, але часомъ и на одной недѣли два переминяются“; жаловались на безпорядки, происходившіе отъ совмѣщенія должностей городничаго и мостовничаго, но жалобы эти остались безъ послѣдствій [1]).

Укрѣпленія замка и мосты должны были строиться и ремонтироваться безъ различія всѣмъ населеніемъ повѣта. Это былъ старый и общій принципъ земскаго устройства. Въ грамотѣ кн. Александра Коріатовича 1375-го г. Смотричскому доминиканскому монастырю люди, которыхъ монастырь осадитъ на данной территоріи, обязуются принимать участье въ укрѣпленіи Смотричскаго замка вмѣстѣ со всѣми боярами и земянами [2]). Въ знаменитой Городельской привилегіи, представлявшей льготы литовскому католическому дворянству, за послѣднимъ признавалась однако обязанность по старому строить и поправлять замки, отбывать военную службу и платить налоги (§ 8). Равнымъ образомъ привилегія Казиміра (1457), уравнивавшая права литовскихъ сословій съ польскими, освобождая подданныхъ духовныхъ и дворянскихъ отъ разныхъ „несправедливыхъ роботъ“, сохраняетъ „роботы на будуванье городовъ (замковъ) нашихъ новыхъ потребныхъ, а старыхъ поправленіа“, постройку мостовъ, даванье стацій; все это, говоритъ король „непорушнѣ заховаемъ, а и хочемъ всегды имѣти неслободныхъ“ [3]). Отъ этихъ повинностей владѣльческіе крестьяне были освобождены только статутомъ 1588 г.[4]).

Но это общее положеніе изъ разсматриваемыхъ замковъ примѣнялось лишь къ нѣкоторымъ сѣвернымъ, расположеннымъ среди сравнительно многочисленнаго и густого населенія—Овручскому, Чернобыльскому, Мозырскому; эти замки строятся „людьми господарскими,

---

[1]) Памятн. IV. 2. 93—94. Въ 1560 опять ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ оказывается одинъ Ив. Борзобогатый (Ак. Ю. и З. Р. II. № 139).

[2]) Акты З. Р. I. № 4. Подлинность этой грамоты впрочемъ подозрѣвается нѣкоторыми, см. Замѣтки по ист. Литов. Рус. госуд. Н. П. Дашкевича с. 77.

[3]) Акты З. Р. I. № 61 (ст. 76).

[4]) Раздѣлъ III арт. 29, см. въ изслѣдов. о крестьянахъ г. Новицкаго Арх. VI: I. с. 72.

мещаны и волощаны и людми князскими, панскими, боярскими" [1]), подъ надзоромъ старосты или кого нибудь изъ мѣстныхъ земянъ. Замки волынскіе—Владимірскій, Луцкій, Кременецкій были въ особомъ положеніи: послѣдніе два были каменные, Владимірскій стоялъ безъ перестройки почти цѣлое столѣтіе, построенный Казиміромъ Ягайловичемъ, на его счетъ. На населеніе падалъ главнымъ образомъ ремонтъ, содержаніе городень и проч. Но здѣсь среди мѣстнаго дворянства, особенно крупнаго, уже довольно ясно выступаетъ стремленіе вполнѣ освободиться отъ лежащихъ на немъ повинностей. На это указывалъ король въ своей грамотѣ волынскому дворянству, о которой было упомянуто выше [2]), это подтверждается и данными описи. Сами дворяне жалуются, что урядники „старшихъ закрываютъ"; въ Кременцѣ жалуются, что знатные дворяне „николы передъ старостами здѣшними у правѣ не становятся и жадного послушенства не чинятъ и отбываютъ (отговариваются) Господаремъ албо Виленскимъ и Троцкимъ повѣтомъ" [3]). Строя свои частные замки, дворяне „привертаютъ" къ нимъ свои имѣнья и отказываются участвовать въ укрѣпленіи повѣтоваго замка, хотя въ такомъ случаѣ „повиноватости замку господарского головного не годится опущати" [4]). Между тѣмъ въ руки дворянства перешла бо́льшая часть территоріи повѣтовъ, мѣщане были изъяты изъ замковой работы и обложены денежными повинностями и такимъ образомъ замки оказывались въ трудномъ положеніи.

Въ староствахъ малолюдныхъ или вовсе пустынныхъ, куда нужно было привлекать населеніе разными льготами, постройку замковъ приходилось правительству брать на себя. Въ замки поднѣпровскіе—Кіевскій, Каневскій, Черкасскій и Остерскій [5]) правительство отправляло лѣсъ и плотниковъ „добродеревцевъ" изъ „верховыхъ" областей Бѣлорусскихъ подъ надзоромъ своего старосты или

---

1) Архивъ IV. I. 36; VII. I. 587, 611.

2) Которыи одъ оныхъ замковъ у предковъ нашыхъ... именія и люди выслужыли и тыми вже людми выслужеными яко оныхъ замковъ будовати, такъ и мостовъ робити и подводъ и стацей давати, такъ и иныхъ стародавныхъ повинностей земскихъ полнити не хочутъ. Памятники IV. 2. 7. Żród. dz. VI. s. 3.

3) Памятн. IV. 2. 215.

4) Архивъ VII. 1. 128, 138, 139. Памятн. IV. 2. 182 (?).

5) Почать знову новымъ деревомъ сосновымъ же робити добродеревцы (т. е. волощаны поднѣпрѣскими—с. 177) Архивъ VII. 1. 592; 91, 177.

назначеннаго „справцы". Нѣкоторыя подробности даетъ одно королевское распоряженіе [1]): вслѣдствіе ветхости укрѣпленій Кіевскаго замка городничій получаетъ приказъ вымѣрить и распредѣлить работу между верховыми волостями „водлугъ почту людей". При этомъ Свислочской волости приходится выставить 60 человѣкъ, чтобы „знову переправити и перекрыти" 38 городень; они должны явиться въ Кіевъ съ необходимымъ количествомъ лѣсу и драницъ и „съ достаткомъ живности себѣ"; за неявку ихъ штрафуютъ по копѣ съ топора. Когда шло дѣло о постройкѣ новаго замка, артели конечно были гораздо больше: такъ въ Каневъ на постройку замка отправляется свыше полуторы тысячи человѣкъ, которые гонятъ нѣсколько тысячъ брусьевъ [2]). Въ другихъ случаяхъ правительство сдавало постройку замка съ подряду, такъ былъ выстроенъ Браславскій замокъ старостою за 700 копъ, Житомірскій—частнымъ подрядчикомъ. При этомъ строители часть работы накинули и на населенье: въ Браславѣ оно было принуждено выстроить больше трети городень, а въ Житомірѣ—вывезть „за неволею и грабежомъ" 500 брусьевъ, „не маючи на то никоторого расказания господарского" [3]). Къ работѣ замковой привлекались иногда мѣстные плотники „тесли"—на нихъ, напримѣръ, возлагаютъ постройку подъемнаго моста—„узвода" [4]).

Въ поднѣпровскихъ замкахъ ремонтъ (самый, впрочемъ, ничтожный) производился сообща всѣмъ населеніемъ; въ западныхъ замкахъ духовные и свѣтскіе владѣльцы, мѣщане, государственныя волости имѣли свои особые участки: „хтокольвекъ собѣ на которой сторонѣ городню обыметъ и двери вроблетъ и схованье будетъ въ ней мѣти, той вжо повиненъ будетъ тую городню направовати, верхъ накривати, камене и колодки къ оборонѣ на ней миты и глиною обмазовати"; тоже было и относительно башенъ [5]). Эти городни связывались съ имѣньями: нѣсколько имѣній государственныхъ или частныхъ содержало одну городню и эта обязанность переходила на всякого послѣдующаго владѣльца, такимъ образомъ иногда одинъ владѣлецъ участвовалъ въ нѣсколькихъ городняхъ. Въ повѣтахъ съ многочислен-

---

1) Акты Юж. и Зап. Р. I. № 109 (1542 г.).
2) Архивъ VII. I. 93.
3) Архивъ. VI. I. 19; VII. I, 125.
4) Напр. въ Луцкѣ (Памятн. IV. 2. 70).
5) Архивъ VII. I. 126 (Житоміръ).

нымъ дворянствомъ одну и туже городню держало 4—6, а иногда и больше десяти дворянъ [1]). Ремонтъ производился на взносы ихъ и при многочисленности участниковъ эти раскладки, въ сущности пустячныя, были очень хлопотны.

Мосты находились въ тѣхъ же условіяхъ, что и замки; въ Поднѣпровьѣ ихъ строятъ „добродеревцы“, въ болѣе населенныхъ повѣтахъ—населеніе; если было нѣсколько мостовъ, дворяне и мѣщане распредѣляли ихъ между собою; ремонтъ производится тоже то по городнямъ, то „безъ дѣльницъ“.

Наконецъ постройка городского острога лежала всегда на городскихъ обывателяхъ—мѣщанахъ и иныхъ; мѣщане часто жалуются, что проживающіе въ городѣ земяне и ихъ люди отказываются исполнять эти и другія городскія повинности. Въ Луцкѣ перечисляли 33-хъ дворянъ, во Владимірѣ—21, которые запрещали своимъ подданнымъ отбывать городскія повинности [2]).

Перейдемъ къ состоянію замковъ; далеко не всѣ они при ревизіи могли похвалиться прочностью и исправностью; въ однихъ многое было недостроено и брошено, въ другихъ—запущенныя сооруженія имѣли самый жалкій видъ. Замокъ Каневскій „ветохъ, погнило и поопадало будуванья въ немъ много, трудна на немъ не толко оборона, але и сторожа, бо не льза вже ходити по бланъкахъ: што не поопадало, ино и то ледви отъ витру колышетъся“; дома погнили, тайникъ завалился [3]). Подобное пишетъ Потей о Винницкомъ замкѣ: „о роботѣ того замку радъ быхъ писалъ, которая городня добра, а которая лиха и штобы потреба было поправовати, ино въ сего замку не машъ чого хвалити: весь опалъ и огнилъ, и обмазанье все опадло, на вежахъ ни на однихъ яко подсябитья, такъ и всходовъ, а ни дверей до обланковъ нѣтъ“[4]). Во Владимірскомъ замкѣ изъ 70 городень и 5 башенъ 20 городень и 4 башни „лихихъ“: „то все оправленія потребуетъ“[5]). Въ Луцкомъ окольномъ замкѣ „индей усходовъ, а ни дверей нѣтъ, а

---

[1]) Напр. см. Памятн. IV. 2. 81 (Луцкъ).
[2]) Памятн. IV. 2. 145—7.
[3]) Архивъ VII. I. 91—92.
[4]) Żródła dz. VI. 111.
[5]) Памятн. IV. 2. 27.

на другой (башнѣ) почато и не докончивши покинено"... „робота а ни вечиста, ани безпечна, просто не машъ на што глядити и хвалити" [1]). Въ болѣе исправномъ состояніи оказались замки: Кременецкій, Мозырскій, Овручскій, Винницкій (во время ревизіи 1552 г.) и недавно выстроенные: Кіевскій, Чернобыльскій и Черкасскій.

Жалкое состояніе многихъ замковъ обусловливалось прежде всего самымъ матеріаломъ: набитыя землею, часто необмазанныя стѣны, деревянныя крыши городень и башенъ, утлые домики и клѣти должны были гнить очень скоро; Каневскій замокъ, напримѣръ, въ свое жалкое состояніе пришелъ чрезъ $13^1/_2$ лѣтъ со времени постройки, Остерскій перестраивается чрезъ 11 лѣтъ. Однако при тщательной постройкѣ и своевременномъ ремонтѣ укрѣпленія могли служить несравненно дольше: я уже упомянулъ, что Владимірскій замокъ стоялъ со времени Казиміра Ягайловича. Дѣло въ томъ, что работа была производима часто наскоро и небрежно. Такъ въ Житомірѣ черезъ годъ послѣ постройки (подрядомъ) уже поопадало „покрытье на стѣнахъ", въ одной башнѣ верхъ провалился; Остерскій замокъ „не облепливанъ, недбале весь робленъ, не добре покрытъ" и проч. Луцкіе обыватели жалуются, что ключникъ, завѣдывавшій постройками, умышленно строилъ городни небрежно „для частого поправеня и пожитку уряду своего". Когда люстраторъ совѣтовалъ строить мостъ „моцнѣйшимъ обычаемъ, клѣтками або вяземъ"—потому что мостъ былъ плохъ и шатался, такъ что „возомъ великимъ небезпечно ходити", обыватели объясняютъ это опять своекорыстными расчетами ключника (уже другого), „бо дей нѣтъ того року, абы два кротъ и три кротъ на годъ або большей людей ихъ не граблено" за неисправность; что слуги его нарочно вынимаютъ доски изъ моста [2]).

Ремонтъ, какъ указано было, въ этихъ замкахъ производился также часто небрежно; много вредилъ самый способъ работы, при которомъ одну и туже городню обязано было содержать по нѣскольку земянъ: происходили пререканія, одинъ ссылался на другого, жаловались, что „старшимъ пропущаютъ, а молодшихъ грабятъ, для чего напе-

---

[1]) Ibid. с. 92.

[2]) Памятн. IV. 2. 93; 120—121.

редъ не хотятъ робити“ и подоб. [1]). Еще сложнѣе была процедура, когда какую нибудь работу должны были произвести всѣ земяне; какъ образчикъ, приведу распоряженіе бискупа Фальчевскаго относительно перестройки башни во Владимірѣ, давшей трещину: на постройку должно быть взнесено съ 10-ти человѣкъ крестьянъ брусъ и тесина, съ 20-ти—маца (мѣра въ 4 корца) муки и по 1/2 гроша лядского съ человѣка. Для пріема взносовъ и производства работъ выбранъ кн. Богданъ Курцевичъ, онъ будетъ выдавать квитанціи и отчетъ въ употребленіи получаемыхъ взносовъ. Если кто будетъ уклоняться отъ взноса, господарскій дворянинъ Солтановичъ, присланный королемъ для надзора за работами, будетъ „овыхъ непослушныхъ грабити“ (конфисковать), изъ этого „грабежа“ будетъ выдавать слѣдуемое на работу, а полтину грошей „децкованя„ удерживать себѣ [2]). Такая сложная процедура понималась изъ за незначительной работы! Конфискація дѣйствительно была подчасъ единственнымъ средствомъ взысканія повинностей, не даромъ обыватели кременецкіе просятъ на мѣсто своего городничаго прислать „особливого дворанина господарского, который бы моцонъ былъ не толко тыхъ меншихъ особъ, але и старшихъ князей, которыи зъ тои роботы выламуются, моцно привернути и грабити“ [3]).

Наконецъ жалуются еще на отсутствіе досмотра, что „за нерадностью и неопатреніемъ помосты, столбы хотябы хто вробили, албо колодки для обороны наготовили, тогды нѣтъ вѣдома кто крадетъ и жгутъ и продаютъ и обиску и грозы нѣтъ (Луцкъ) [4]); это было и неудивительно здѣсь при отсутствіи постоянныхъ чиновниковъ, на которое жаловалось населеніе. Подобные безпорядки происходили и въ Браславѣ [5]).

Дополнимъ этотъ очеркъ состоянія замковыхъ сооруженій еще нѣсколькими чертами изъ описей. Нѣкоторые замки уже оказываются

---

[1]) Такъ напр. староста Владимірскій заявляетъ однажды, что хотя онъ и имѣетъ село въ данной волости, но «не повиненъ робити для причинъ, ижъ иншыи не роблятъ». Памятники IV. 2. 75.

[2]) Памятн. IV, 2. 19—22.

[3]) Ibid. 203.

[4]) Памятн. IV. 2. 93.

[5]) И помостовъ, и столбъ (лѣстницъ), которыи были въ замку около всихъ городень, и дверей в иншихъ городняхъ не маютъ—то дей все обожгли за первыхъ старостъ и тежъ жолнеры. Żród. dz. VI. 119.

малыми сравнительно съ населеніемъ; такъ замокъ Браславскій „велми есть малый, не водлугъ достатку людей, не толко половица ихъ, але и третяя часть зъ статки своими часу пригоды не могутъ ся умѣстити“ [1]). Равнымъ образомъ малъ и сосѣдній замокъ Винницкій, да ктому „деревомъ велми тонкимъ робленъ и еще не въ замокъ стѣны, правѣ бы одны на все диры и невѣмъ гдѣбы инде такъ просто замокъ робленъ былъ, яко тотъ здѣшній: не толко людемъ въ часъ пригоды одъ навалного непріятеля негдѣ запертися и обороны одколь вчынити, але и быдла страшно заперти“ [2]). Между тѣмъ это были замки порубежные, особенно Брацлавщина подвергалось частымъ вторженіямъ и опустошеніямъ, такъ какъ лежала между двумя татарскими шляхами на перепутьѣ. Житомірскій замокъ, среди пререканій, кто долженъ выстроить замковый мостъ, стоитъ цѣлый годъ безъ моста; мѣщане заявляютъ, что они сдѣлали было половину, но подстароста порубилъ и пожогъ ихъ роботу, между тѣмъ: „не только возомъ въ замокъ не можетъ приѣхати, але и пѣшому трудно на взводъ взыйти, алижъ поползкомъ“ и люди „одъ непріятеля, въ таковой нерадности мусять до лѣсу втекати“ [3]). Въ Брацлавѣ за отсутствіемъ моста приходилось объѣзжать кругомъ и люди при нападеніи „сами въ руки непріятеля увойдутъ“ [4]). Въ Брацлавѣ, Житомірѣ, Каневѣ, Кременцѣ нѣтъ колодцевъ, добывать воду очень трудно и потому они „часу прыгоды а навального обложенія для недостатку водного мусятъ страдати“ [5]). До правительства часто доходили извѣстія о такомъ печальномъ состояніи окраинныхъ замковъ, „ижъ многіе опали и показилисъ“ и проч., но если оно по временамъ и принималось на свой счетъ „патрувать“ ихъ, это имѣло ту дурную сторону, что населеніе подчасъ еще нерадивѣе начинало относиться къ замковой работѣ, надѣясь, что правительство возьметъ ее въ концѣ концовъ на себя [6]).

---

[1]) Архивъ VI. 1. 20—21.
[2]) Żródła dz. VI. 111.
[3]) Żródła dz. 137. Въ спискѣ Архива (VII. 1. 132—133) это мѣсто испорчено.
[4]) Архивъ. VI. 1. 20.
[5]) Архивъ VI. 1. 20; VII. 1. 133.
[6]) См. напр. Żródła dz. VI. 114.

Сторожили замокъ сторожа и кликуны; сторожа стерегли днемъ, у воротъ и на башняхъ, кликуны ходили ночью по стѣнамъ и „кликали"; обѣ эти обязанности иногда совмѣщались, иногда кликуны днемъ исполняли хозяйственныя работы при замкѣ: возили воду, рубили дрова и пр. Всего сторожей было по 2—3, рѣдко больше; платили имъ обыкновенно по 3—4 копы, чаще всего изъ особаго налога: сторожовщины или кликовщины, которую платили то одни мѣщане, то все населеніе повѣта; иногда они содержались изъ доходовъ старостиныхъ [1]). Въ другихъ случаяхъ сторожей обязаны были наряжать замковыя и иныя села, такъ сказать натурою, по очереди на недѣлю [2]); самыя села эти въ отбываніи этой и подобныхъ повинностей (подводы стаціи) раздѣлялись на недѣли. Иногда стерегли замокъ солдаты, „драбы", гдѣ они были. Въ городѣ, у острога, были свои сторожа, нанимавшіеся мѣщанами.

Въ повѣтахъ, чаще подвергавшихся татарскимъ набѣгамъ, существовала еще „сторóжа" внѣ замка, такъ назыв. польная. Эти сторожа — конные, по нѣскольку человѣкъ стояли на „татарскихъ шляхахъ", часто въ нѣсколькихъ пунктахъ, на валахъ, могилахъ, вышкахъ („на сохахъ"), иногда весьма далеко отъ замка (въ Житомірѣ за 20, въ Овручѣ за 30 миль) [3]). Стерегли они обыкновенно не круглый годъ, „а водлугъ часовъ потребы", „кгды ся выстерегають людей непріятельскихъ", или во время полевыхъ работъ, содержали ихъ то одни мѣщане, то всѣ обыватели. Впрочемъ Житомірцы были того мнѣнія, „ижъ сторожы не вельми великая потреба, бо николы сторожа не встережетъ, а хотя тежъ и подстерегутъ татаръ, тогды до замку втичы передъ нимы не могутъ" [4]) — сторожа, какъ упомянуто, стояли здѣсь слишкомъ далеко.

Кромѣ того отряды бояръ или мѣщанъ съ замковымъ урядникомъ отъ времени до времени выѣзжали „шляховъ отвѣдовати".

---

[1]) Архивъ VII. I. 81, 82, 95, 595. VI. I. 20.

[2]) Архивъ IV. I. 39; VII. I. 133, 164.

[3]) Въ Винницѣ (Архивъ VII. I. 608) ходятъ «доведыватися о войску татарскомъ и шляху ихъ стеречи у верхъ Десницы рѣчки а въ Острицы, гдѣ шляхъ идетъ на Базарабовъ бродъ». Черкасы были со всѣхъ сторонъ огорожены польною сторожею (Ibid. 81). Овручская сторожа выводилась къ с. Ходоркову (Сквирск. у.) Архивъ IV. I. 40.

[4]) Архивъ VII. I. 144.

Перейдемъ къ тѣмъ средствамъ, которыя были въ распоряженіи замковъ на случай непріятельскихъ нападеній—военнымъ контингентамъ, артиллеріи и запасамъ. Постоянные гарнизоны существовали лишь въ немногихъ замкахъ—въ Кіевѣ, Черкасахъ (сто драбовъ), Винницѣ, Брацлавѣ (не всегда). Эти отряды „драбовъ" находились подъ командою своихъ ротмистровъ и состояли изъ „копійниковъ"—„з корды (родъ меча) а з алябартами або з ощепы (копья)" и „стрѣльцовъ—з ручьницы, з мечи" [1]). Кромѣ того при замкахъ бывали иногда небольшіе отряды старостиныхъ служебниковъ—въ Черкасахъ (61), Каневѣ (33 новыхъ, да 13 старыхъ), Житомірѣ (11 стрѣльцовъ и слугъ замковыхъ), Винницѣ.

Затѣмъ въ распоряженіи воеводы или старосты находились разнаго рода ополченія. Главную и обычную земскую силу составляло ополченіе, которое выставляли землевладѣльцы—земяне со своихъ помѣстій; единицею при этомъ служила обыкновенно „служба", участокъ приблизительно равный 200 десятинамъ; на Волыни единицею считалось дворище, не имѣвшее такой опредѣленной величины [2]). Ополченіе это было конное, „пахолокъ" долженъ быть „на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, павеза (деревянный щитъ, въ полтора локтя) и остроги двѣ" [3]). Затѣмъ несли военную службу, но вѣроятно лишь въ предѣлахъ своего староства, бояре и слуги разныхъ наименованій (панцырные, замковые, ордынскіе, путные), пользовавшіеся небольшими земельными участками въ нѣсколько волокъ. Какъ земяне, такъ бояре и слуги между южно-русскими староствами распредѣлялись весьма неравномѣрно—это объяснялось помимо общаго распредѣленія населенія также условіями тогдашняго хозяйства. На Волыни и въ Полѣсьи они довольно многочисленны—на Луцкій съѣздъ въ 1545 г. собралось 162 дворянина, хотя многіе не явились; въ „Пописѣ земли Волынской" 1528 г. [4]) перечислено до трех-

---

[1]) Архивъ. VII. I. 90. Правительство вообще тяготилось содержаніемъ гарнизоновъ: во время напр. войны съ Московскимъ государствомъ въ 1574 г. въ пограничныхъ замкахъ было всего 1605 драбовъ, изъ нихъ при заключеніи перемирія въ этомъ году было отпущено 940. См. Акты З. Р. Ш. № 61.

[2]) По заявленію дворянъ «двѣ дворищи не стоятъ за одну службу Литовскую» Памятн. IV. 2. 50.

[3]) «Ухвала» 1528 г. А. З. Р. II. № 152.

[4]) Акты изд. Виленск. ком. XIII. № 6.

сотъ землевладѣльцевъ, которые должны были поставить ратниковъ въ ополченіе, всего Волынская земля по этому „Попису“ должна была выставить около восьмисотъ коней; по переписи 1565 г. [1]) на Волынскую землю, не считая отрядовъ нѣкоторыхъ пановъ, приходилось свыше 550 коней (все ополченіе в. княжества состояло изъ 8178 коней). Но Кіевскій повѣтъ по этой послѣдней переписи ставитъ всего 36 коней. Въ Винницкомъ повѣтѣ было всего 18—19 панскихъ фамилій и 21 боярская, въ Житомірскомъ — 22 дворянина, въ Браславскомъ „земянъ старшихъ“ 23, да 14 „подлѣйшихъ“ по выраженію описанія, „которыхъ старшіе земяне братиею собѣ не менують а не знають отколь суть“; въ Острѣ 27 бояръ, въ Каневскомъ повѣтѣ владѣютъ землями 8—10 земянъ, которые живутъ однако, какъ видно, въ другихъ повѣтахъ, и 6—7 бояръ, а въ Черкасскомъ 4 земянина и 5 бояръ [2]).—Такимъ образомъ обычная военная сила здѣсь отсутствовала.

Военною повинностью обязано было также мѣщанство. Предоставляя городамъ значительные участки, часто на милю кругомъ (что составитъ около 16 тысячъ десятинъ), а то и больше, правительство требовало взамѣнъ отъ населенія военной службы [3]). Всѣ болѣе зажиточные мѣщане и прочіе обыватели обязаны имѣть коня и по требованію старосты должны были отправляться вмѣстѣ съ замковыми слугами или земянами, чаще всего въ погоню за татарами. За исполненіемъ этой повинности строго слѣдили; такъ въ Уставной грамотѣ Кіеву предписывается: если будутъ вѣсти о татарскомъ набѣгѣ, горожане не имѣютъ права уѣзжать изъ города, или должны оставить замѣстителей, „которые мають безъ нихъ службу нашу заступовати“ [4]). Не имѣющіе возможности содержать коня должны въ случай набѣга являться въ замокъ въ качествѣ гарнизона [5]). Мѣщане, владѣвшіе пасѣками, обязаны были имѣть коня не-

---

[1]) Архивъ VII. I. № 23.

[2]) Архивъ VI. I. 26. VII. 1. 89, 98 сл., 127, 595. Źród. dz. VI s. 108, 115.

[3]) Эта связь указывается прямо напр. въ привилегіи г. Суража (1570): придаемъ имъ... около замку и мѣста Суражского на вси стороны на милю; которую землю они держачи, службу конную возную напротивку непріятелю нашому заступовати мають потому, яко ся мѣщане мѣста нашого Витебского зъ кгрунтовъ своихъ мѣстскихъ къ той службѣ военной заховывають. Акты Зап. Р. Ш. № 50.

[4]) Акты Зап. Р. I. № 120 (1494 г.).

[5]) Акты Ю. З. Россіи. II. № 108. (1523).

примѣнно, даже двухъ иногда (пасѣки эти были велики, со всякими угодьями, пашнями и лугами, такъ что, по мнѣнію люстратора, Брацлавскія пасѣки „не потреба есть меншы селищъ важити, и иншыи пасѣки, ижъ и три селища за одну пасѣку не стоятъ“)[1]). Однако оговаривали часто, что мѣщане „не повинни лежать на полѣ“ т. е. оставаться продолжительное время; они обыкновенно „оглядали шляхи татарскіе“, ѣздили въ погоню и проч.[2]). Для торговаго и ремесленнаго населенія эта обязанность была весьма неудобна и оно предпочитало откупаться деньгами отъ обязанности держать коней и ѣздить на службу. Въ грамотахъ Луцку (1497) и Владиміру (1509) за мѣщанами признается обязанность въ случаѣ крайней надобности занимать только гарнизонъ въ замкѣ[3]).

Но мѣщанами пе ограничивалась военная повинность, въ окраиныхъ повѣтахъ она простирается и на крестьянъ, замковыхъ и частныхъ. Въ Кіевскомъ повѣтѣ конную службу несутъ многіе церковные подданные, въ Брацлавѣ служили прежде и люди боярскіе, въ Винницкомъ повѣтѣ служатъ „з места и з волости кождый, хто кольвекъ кони маетъ, а в погонь одинъ другого выправуютъ о двуконь, а повинни ку службе военной кони держати вси, яко гродскіе (замковые), такъ земянскіе“, иначе подвергаются штрафу „за огурщину“; въ Каневскомъ „противъ людей неприятельскихъ... повинни конно збройно бывати“—мѣщане, бояре и подданые ихъ, и церковные и гости всѣ; въ Черкасскомъ подданныхъ не было[4]). Условія, въ которыхъ жило населеніе, сами превращали его въ одну сплошную милицію. Владимірскіе мѣщане говорятъ, что у каждаго есть ружье, а то и два; Житомірскіе земяне и мѣщане „ручници маютъ и стреляти добре умію тъ“; Ляссота, проѣзжавшій 40 лѣтъ спустя по южной закраинѣ Волыни, пишетъ, что каждый крестьянинъ, отправляясь на поле, несетъ на плечахъ ружье и прицѣпляетъ къ боку

---

1) Арх. VI. I. 26.

2) Вотъ приблизительныя данныя о количествѣ мѣщанъ въ южныхъ замкахъ: въ Черкасахъ ок. 190, въ Каневѣ ок. 120 душъ, въ Винницѣ 141 домъ, въ Брацлавѣ—229 чел., въ Житомірѣ—49 человѣкъ. (Żródła VI. 115, Архивъ VI. I. 25; VII. I. 103, 113, 148).

3) Архивъ V. I. №№ 4, 6.

4) Архивъ VII. I. 95, 121, 602; ср. 610 (Винница): Село пана Аксака Стрыжовка, домовъ 80: хто коня маетъ, каждый на службу военную ѣдетъ при пану и безъ пана, при старосте або наместнику его.

саблю или тесакъ[1]). Впрочемъ и мѣщане, и подданные были неважными, конечно, воинами; Брацлавскіе обыватели просятъ о содержаніи постояннаго гарнизона „бо теперъ непріятель не боится, нижли скоро люде пеняжныи (регулярный отрядъ) отойдутъ, тогды татарове приходятъ и шкоду чинятъ“ [2]).

Вмѣсто гарнизоновъ, которые требовали значительныхъ издержекъ, старосты южныхъ замковъ прибѣгаютъ къ образованію козачьихъ отрядовъ. Въ данную эпоху козаки упоминаются при замкахъ: Кіевскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Винницкомъ и Брацлавскомъ; одни изъ нихъ имѣютъ осѣдлость—земельные участки, дома въ городахъ и несутъ повинности вмѣстѣ съ мѣщанами, другіе—„неоселые“, служатъ въ наймахъ, промышляютъ рыболовствомъ или грабежомъ татаръ. Они дѣлились, какъ видно, на роты, но опредѣленныхъ, регулярныхъ отрядовъ въ данную эпоху не составляли, самое число ихъ въ отдѣльныхъ замкахъ годъ отъ году мѣнялось, „яко которихъ часовъ“; при Черкасскомъ замкѣ при ревизіи ихъ оказалось 250 человѣкъ. Зависимость ихъ отъ замковыхъ урядниковъ была довольно слаба; грабя татаръ, они причиняли постоянныя хлопоты и старостамъ, и правительству; Брацлавскій староста жалуется, что только регулярныя войска могутъ унять козаковъ [3]).

Перейдемъ къ артиллеріи; описи 1552-го г. даютъ о ней весьма подробныя свѣдѣнія. Орудія, встрѣчающіяся въ замкахъ, довольно разнообразны; это прежде всего „дѣла“, пушки, обкновенно мѣдныя, утвержденныя на лафетахъ; наибольшая длина —$14\frac{1}{2}$ пядей, большинство имѣютъ 7—10 пядей. Наибольшія ядра описываются всего, какъ „побольше гусиного яйца“, есть величиною и въ яйцо голубиное; ядра были желѣзныя, облитыя свинцомъ. Уцѣлѣли еще кое гдѣ и старинныя пушки, стрѣлявшія ядрами каменными, короткія и толстыя, напоминавшія мортиру (напр. въ Луцкѣ); каменныя ядра къ

---

[1]) Путевыя записки Эр. Лассоты, пер. Бруна, стр. 15.

[2]) Архивъ VI. I. 23. Тогда и села могуть осѣсти, прибавляютъ обыватели, и козаки тежъ не смѣли будуть въ землю Турецкую входити и зачепокъ чинити; и теперъ бы дей козаковъ немогъ (староста) уняти, колы бы люди пенежныи не мѣшкали.

[3]) Архивъ VII. I. 82, 89, 95, 105, 112, 604; VI. I. 23. Впрочемъ при Кіевскомъ и Винницкомъ замкахъ въ это время они, повидимому, не жили постоянно.

нимъ имѣли до 5-ти пядей въ окружности. Были затѣмъ „серпентины“ или „сарпотины“, (иначе „шмиговницы“), желѣзныя пушки, болѣе длинныя, доходившія до 15 пядей, снабженныя колесами или прикрѣплепныя просто къ деревяннымъ колодкамъ. Рѣже встрѣчаются мортиры (можд̀еры). Затѣмъ идутъ гаковницы: большія крѣпостныя ружья, „гаркабузы“ и наконецъ „ручницы“.

Количество орудій вообще распредѣлено крайне неравномѣрно. Наиболѣе богатый артиллерію замокъ—Кременецкій: у него 29 орудій, изъ нихъ 22 пушки; „не толко Луцко и Володимеръ але и десеть албо двадцять иншихъ замковъ къ тимъ дѣломъ, къ таковому великому достатку бронних речей зровнятися не могутъ“, заявляетъ Патей[1]); его удивленіе очень понятно, послѣ Луцка, гдѣ артиллерія находилась въ страшномъ безпорядкѣ, и Владиміра, гдѣ оказалась всего одна пушка, да и та была разорвана. Богатъ артиллеріею и Кіевъ—въ немъ 18 пушекъ, 11 серпентиновъ и 82 гаковницы. Остальные замки далеко уступали этимъ двумъ; обычное число пушекъ—4, 5, 6; Житоміръ, подобно Владиміру обладаетъ только одной, и 3 серпентинами, а что касается Чернобыля, всѣ орудія заключались въ 10-ти воеводиныхъ ручницахъ. Впрочемъ числовыя данныя не даютъ еще полнаго представленія о замковой артиллеріи; много было прогорѣлыхъ, кривыхъ, дырявыхъ, совершенно негодныхъ орудій. Орудія того же Кременецкаго замка имѣли настолько ветхіе лафеты и колеса, что ихъ нельзя было передвигать. Въ Винницѣ изъ двухъ орудій у одного „конецъ ворвался, заправено желѣзомъ, а з другого дѣльца небезпечно есть стреляти“ (въ 1552 г. оказалась новая пушка, а дырявая была отослана въ Вильно для переливки). Единственное орудіе Владиміра, какъ я упоминалъ, было разорвано. Но въ особенно плачевномъ состояніи находилась артиллерія Луцка—старинныя орудія едва держались въ лафетахъ, которые частью погнили, частью были растасканы, оковка обломана, къ нѣкоторымъ орудіямъ совсѣмъ не оказалось ядръ. Въ другихъ случаяхъ оказывается мало пороху: при нѣсколькихъ десяткахъ гаковницъ случалось пороху 10—20 ф. и под. Болѣе исправна была артиллерія въ Острѣ, Мозырѣ и замкахъ поднѣпровскихъ.

Обыкновенно орудія, сѣра, свинецъ пріобрѣтались правитель-

---

[1]) Памятн. IV. 2. 217.

ствомъ; ревизоры 1552-го г. развозятъ съ собою по замкамъ гаковницы. Но не всегда однако правительство было аккуратно въ доставкѣ такъ, напримѣръ, въ Житомірѣ орудія испортились во время пожара въ 20-хъ годахъ XVI-го вѣка; въ 1545 г. ревизія находитъ „дѣлцо невеликое", 2 серпентина неокованныхъ, третій — совсѣмъ неоправленный, ни ядръ, ни свинцу не оказалось; въ 1552: дѣлце дырявое, 2 серпентина горѣлыхъ, „негожихъ ку стрельбе", третій—неокованный и 44 гаковницы; правительство съ ревизорами прислало лишь 12 гаковницъ [1]).

Ядра къ орудіямъ отливались на мѣстѣ въ желѣзныхъ и глиняныхъ формахъ; на мѣстѣ изготовляли порохъ, иногда и селитру, такъ что нужно было доставлять лишь сѣру. Порохъ толкли въ толчеяхъ; одинъ толкачъ могъ „убить одъ годины до годины камень (32 ф.) пороху"; въ Кременцѣ оказалась „ступа коловоротная по нѣмецки о шести толкачахъ, въ которой ступѣ можетъ и одинъ человѣкъ порохъ толчи". Всѣмъ этимъ занимались пушкари. Они подчасъ въ замкѣ были единственными представителями техническихъ знаній и соединяли въ своихъ рукахъ иногда весьма разнообразныя обязанности и занятія: пушкарь—хорошій стрѣлецъ, онъ же не только чинитъ, но и дѣлаетъ новыя ручницы и гаковницы, занимается кузнечествомъ, приготовляетъ порохъ, селитру, льетъ ядра, иногда „оправуетъ рынвы (трубы) и лотоки", а въ Кіевѣ одинъ изъ пушкарей былъ и часовщикомъ, „зекгармистромъ". Благодаря этому, они получали иногда довольно значительное содержаніе: этотъ Кіевскій зекгармистръ получалъ 30 копъ и 10 локтей сукна лунскаго (ліонскаго) въ годъ; Луцкій пушкарь—26, Винницкій—20; другіе получали меньше, отъ 16-ти до 6-ти. Пушкарей бывало обыкновенно немного, по 2—3, иногда по одному, что, конечно, было мало для цѣлаго замка, тѣмъ болѣе, что жители и изъ гаковницъ не всегда умѣли стрѣлять. Между пушкарями находимъ туземцевъ, и нѣмцевъ, ляховъ; Патей замѣчаетъ относительно Брацлавскаго замка: „а ведже и то бы не шкодило, колибы межы тыхъ рускихъ пушкарей оденъ былъ ляхъ, або чехъ, наученый пушкаръ для лѣпшое и певнѣйшое справы и стрѣльбы замковое" [2]).

---

[1]) Арх. VII. I. 137, 142. До пожара, по показанію обывателей, было пушекъ 5 малыхъ и 2 большихъ въ $1^1/_2$ сажени, «въ которыи дѣла робята малые влазечи въ ганки грывали»; по описи 1501 г. здѣсь было 4 пушки великихъ, а пять тараниць. Арх. VI. I. № 2.

[2]) Архивъ VI. I. 22.

Остается сказать о продовольственныхъ запасахъ—„наспижованьѣ“. Замковое продовольствіе въ в. княжествѣ доставлялось обыкновенно государственными волостями—къ каждому замку ихъ бывало приписано по одной, по двѣ, и замковыми „дворцами“ (хуторами), мельницами, пашнями и проч. [1]). Въ западныхъ, волынскихъ повѣтахъ большинство селъ находилось уже во владѣніи земянъ: въ Луцкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ люстраторъ насчитываетъ розданныхъ: двѣ волости, 105 селъ, 6 замковъ; однако при замкахъ остаются еще значительныя имѣнія: при Владимірскомъ — Смиденская волость, заключающая около 100 дворовъ (сильно впрочемъ страдавшихъ отъ захватовъ сосѣдняго Ковельскаго старосты), при Луцкомъ—ок. 90 дворищъ (26 селъ), при Кременецкомъ—18 селъ и хуторъ. 224 чел. Крестьяне эти возятъ лѣсъ на замокъ, строятъ службы, отбываютъ по нѣскольку дней полевой работы въ замковыхъ хуторахъ и пашняхъ или платятъ дань продуктами или деньгами [2]). Этими припасами содержались замковые урядники и слуги, но Луцкій напр. староста заявилъ, что доставляемыхъ припасовъ хватаетъ лишь на это, а на „наспижованье“ не остается ничего.

Въ юго-восточныхъ, мало населенныхъ повѣтахъ замковыхъ селъ или не было, или было очень мало; при томъ населеніе ихъ несло часто разнаго рода постороннія повинности—служило военную службу, отбывало сторожу, доставляло подводы, строило разныя хозяйственныя службы замковыя и пр., полевая работа и дани встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ [3]).

---

[1]) Такъ въ грамотѣ на староства Мстиславское и Радомльское: «половина пашни со всихъ дворовъ и фолварковъ нашихъ ему и слугамъ его на пожитокъ въ кождый годъ; а другая половина пашни со всихъ дворовъ маетъ хована быти на спижованье тыхъ замковъ нашихъ». Акты З. Р. II. № 167 (1529).

[2]) Памятн. IV. 2: 33, 187, 222.

[3]) Такъ въ Винницкомъ повѣтѣ было въ 1545 г. 3 села замковыхъ, изъ нихъ къ замку «тягнуло» одно Мезяково (70 чел.); жители его строятъ кромѣ городень замковыхъ еще «гридню, кухню, лазню, пекарню, холодникъ», одинъ день косятъ и гребутъ сѣно, даютъ всего $1^1/_2$ копы грошей и «коли потреба вкажетъ, повинни при старостѣ на службу ѣздити» (Żród. dz. VI. 114); къ Кіевскому замку принадлежатъ 10 селъ съ столь же разнообразными повинностими, къ Остерскому—6; въ Брацлавскомъ повѣтѣ «вси селища и пожитки за земяны и мѣщаны и козаки суть», не упоминается замковыхъ имѣній и въ повѣтахъ Житомірскомъ, Черкасскомъ, Каневскомъ. Но и эти малочисленныя замковыя села правительство не берегло; такъ изъ помянутыхъ 6-ти селъ Остерскаго замка въ XVII в. уже при замкѣ не оказывается ни одного, всѣ розданы дворянству (люстр. 1628—Арх. VII. I. 342).

Замковые хутора—„дворцы“ существовали во многихъ (западныхъ) повѣтахъ; на нихъ жило иногда по нѣскольку душъ крестьянъ или „челяди невольной“ т. е. рабовъ, для полевыхъ работъ были приписаны къ нимъ замковыя села [1]). Еще чаще встрѣчаются замковыя мельницы, иногда по нѣскольку; поступавшія съ нихъ „змѣрки“ давали иногда значительное количество хлѣба: такъ Луцкій млинъ давалъ 60 мацъ (240 корцевъ) „всякого збожа“; съ 3-хъ Винницкихъ мельницъ приходило старостѣ „на выхованье почту (отряда) его зъ потребу“ [2]).

Въ поднѣпровскіе замки припасы доставляло правительство изъ сѣверныхъ волостей [3]); въ этихъ замкахъ люстраторы и нашли нѣкоторые запасы (жито, крупу, солонину), впрочемъ значительные оказались только въ Кіевѣ: 204 солянки (612 четв.) жита, въ другихъ—по нѣскольку десятковъ солянокъ, а въ Каневѣ всего 16 бочекъ крупы; часть запасовъ иногда оказывалась розданною старостами частнымъ лицамъ. Въ другихъ замкахъ провіанту не оказалось совсѣмъ, „ни зернеты“, а староста Владимірскій заявляетъ, что и „передъ тимъ николи того въ обычаи не бывало, абы тутъ которое наспижованіе мило быти и того тежъ не памѣтамы, отколь то приходило“. Натуральныя дани перекладывались на деньги и повидимому обращались просто въ доходъ старосты.

Таковы въ общихъ чертахъ данныя о состояніи южно-русскихъ повѣтовыхъ замковъ въ половинѣ XVI-го в. [4]). Большинство ихъ, при

---

[1]) Въ Луцкомъ хуторѣ Гнидава оказалось 195 копъ жита, на Овручскомъ—200 солянокъ (600 четв.) зерна и 200 возовъ сѣна. Архивъ IV. I. 39 и VII. I. 171. Хутора были еще въ Кременцѣ, Владимірѣ, Мозырѣ, прежде и въ Житомірѣ. (Опись 1501-го г. Арх. VI. I. № 2).

[2]) Архивъ VII. I. 147, 173, 603.

[3]) Припроважено жито тое з Бобруйска недавно зъ дворяниномъ Выйшейтравкою Арх. VII. I. 80 (Черкасы). Въ 1538 г. (Акты Зап. Р. II. № 191) в. князь, узнавъ, что «спижовъ и тежъ живностей на замкахъ украинныхъ никоторыхъ нѣтъ» запрашиваетъ Раду, что будетъ удобнѣе: отправить ли «спижи» съ дворовъ господарскихъ или продать и на выручку купить припасовъ на мѣстѣ?

[4]) Не безинтересно сравнить современные частные замки; вотъ напр. «замочокъ» Буремльскій (Луцкаго повѣта): онъ деревянный, снабженъ мостомъ «цалымъ, широкимъ», замчистыми воротами, у воротъ свѣтличка съ вышкою, двѣ башни, «кгонтомъ побиты» (внизу «стайни», сверху коморы), къ стѣнамъ пристроены «городни добрые, драницами побиты», два дома въ нѣсколько комнатъ, съ вышками, коморы и службы, все это «зъ защепкы, зъ железными за-

незначительныхъ, часто запущенныхъ укрѣпленіяхъ, скудныхъ средствахъ обороны, отсутствіи запасовъ, воды, конечно, не могли выдержать сколько нибудь серьезнаго нападенія; не разъ встрѣчаются извѣстія о разореніи замковъ татарами. Къ счастью, такія нападенія были сравнительно рѣдки, въ большинствѣ случаевъ татары оставляли въ покоѣ замки, населеніе отсиживалось въ нихъ, предоставляя татарамъ рыскать по странѣ,—немногочисленные отряды драбовъ и служебниковъ замковыхъ, мѣщанъ и дворянъ, гдѣ они были, не были въ состояніи дать серьезный отпоръ вторженію. Но и подобное прибѣжище замокъ, какъ указано, могъ представить лишь небольшому количеству окрестныхъ жителей. Я приводилъ заявленія ревизіи, что, напримѣръ, замки Винницкій и Брацлавскій слишкомъ малы для населенія; послѣднее, слѣдовательно, селилось на свой страхъ, не имѣя возможности разсчитывать на замокъ, колонизація начинала совершаться помимо замковъ. Это же населеніе, въ большомъ числѣ устремившееся въ степи къ концу XVI-го в. подъ вліяніемъ новыхъ, стѣснительныхъ условій польскаго режима, своею массою преградило путь татарскимъ вторженіямъ и обезопасило страну гораздо лучше, чѣмъ то дѣлали старые господарскіе замки.

весы». Посерединѣ церковь св. Троицы, «побитая кгонтами, цвинтарь». Оружіе составляютъ: пушка, мортира, гаковницы и ружья (Арх. VII. I. № 29). Другой подобный частный замокъ—Коблинскій (Ганна Монтовтъ О. Левицкаго. К. Стар. 1888. I—III. с. 95) обладаетъ 4 пушками, 20 гаковницами, 52 ручницами; припасы состоятъ изъ 2 бочекъ пороху и 5 бочекъ пуль и пр. Главное преимущество замковъ повѣтовыхъ предъ подобными частными заключалось въ замковыхъ и земскихъ контингентахъ, которые группировались около первыхъ; сравнивая укрѣпленія, вооруженіе окраинныхъ замковъ, не найдемъ большей разницы, притомъ частные замки имѣли шансы содержаться гораздо исправнѣе (вспомнимъ замокъ Винницкій 1545-го г., «вельми малый», гнилой, съ его 2 испорченными пушками, 26 гаковницами («а ручницъ ни одное не машъ»), причемъ «пороху готового» оказалось всего «якобы камень (32 ф.), куль дѣльныхъ каменыхъ, железомъ обливаныхъ деветнадцать, а гаковничныхъ куль сорокъ». (Żród. dz. VI. 112). Понятно, что земянинъ «заробивъ» свой частный замокъ, затѣмъ мало заботился о томъ, въ какомъ состояніи находится «головный господарскій замокъ» повѣта.

